

ным изложением и даже со «страницами, написанными в добром милом стиле филологических сочинений, и читать книгу не всегда так трудно, как может пока-

заться, если судить по рецензии, но всегда интересно.

И. И. Ревзин

Л. Л. Иофик. Сложное предложение в новоанглийском языке. — Л., изд-во ЛГУ, 1968. 214 стр.

Исследование Л. Л. Иофик в равной степени направлено как на выяснение проблем сложного предложения в общетеоретическом плане, так и на описание тех конкретных форм, в которых сложное предложение выступает в новоанглийском языке раннего периода, сопоставляемом с современным английским.

Постановке общих вопросов сложного предложения посвящена первая часть книги. Здесь на большом и интересном материале показана история трактовки сложного предложения в английской грамматике, начиная от ее истоков, и кончая современными структуралистскими концепциями, а также взгляды русских и советских языковедов на способы связи предложений. Далее, в первой части дается общая характеристика сложного предложения как грамматической категории, ставится проблема вычисления предложений (в том числе сложных) из текста и проблема соотношения между синтаксическими структурами и пунктуацией.

Однако весьма значительное место занимают общетеоретические вопросы и во второй части, описывающей систему связи предикативных единиц в раннем новоанглийском. Здесь рассматриваются четыре вида связи между предикативными единицами (так называет Л. Л. Иофик синтаксические образования, соответствующие по основным чертам своей организации независимым предложениям): сочинение, относительное присоединение, подчинение, соотнесение. И именно здесь дается развернутый анализ этих явлений с общетеоретических позиций, устанавливается их место в общей системе синтаксических единиц английского языка (а по сути дела, и значительно шире — во всех языках, обладающих синтаксической структурой, близкой к структуре английского языка)¹.

Выдвигаемая при этом Л. Л. Иофик концепция сложного предложения во многом отличается от привычных точек зрения. Основная новизна в позиции автора, хотя и предваренная отдельными замечаниями ряда языковедов (особенно

Э. Сепира), состоит в отказе от рассмотрения ряда предложений, связанных сочиненной связью, как сложного (сложносочиненного) предложения. Этому дается развернутая аргументация на стр. 82—92. Автор показывает, что сочиненные, т. е. отделяемые в тексте запятыми или точкой с запятой, предложения в равной мере могли бы быть отделены друг от друга и точками, подтверждая это наличием в текстах принципиально сходных рядов предикативных единиц, по-разному оформленных пунктуационно. Автор ссылается также на данные исследований по английской интонации (Армстронг и Уорд, Шубигер, Каминская и др.), которые устанавливают, что неконечные предикативные единицы, входящие в ряд сочиненных предикативных единиц, могут произноситься и даже чаще произносятся с интонацией, характерной для любых конечных предикативных единиц, а именно с понижением тона. На основании этого, автор приходит к выводу, что «сочетание сочиненных предложений в пределах пунктуационного единства... со стороны грамматической, то же самое, что сочетание предложений, разделенных точками в связной речи» (стр. 91). Такие предикативные единицы «функционируют в тексте или связной речи как самостоятельные, хотя и контекстуально связанные предложения, независимо от того, какими знаками они разделены» (стр. 91). А возможность использования пунктуации для связи грамматически самостоятельных предложений объясняется автором тем, что пунктуация в европейских языках вообще развивалась на базе учения античной риторики о периоде, т. е. имело смысловую и стилистическую, а не грамматически-структурную основу. Поэтому ряд связанных сочинительной связью предложений является для автора единством пунктуационным или стилистическим, но не грамматическим. Грамматическим единством такой ряд становится лишь в том случае, если его члены обладают общими компонентами, соподчинены какому-либо другому синтаксическому предикативному единству и в аналогичных конструкциях, где сочинение переплетается с подчинением.

Но основное внимание в книге уделено подчинению предикативных единиц, т. е.

¹ Ср. также: Л. Л. Иофик, Об основах английской пунктуации в связи с проблемой сложносочиненного предложения, ВЯ, 1961, 4.

такому их отношению, которое на основе синтаксической зависимости одних предикативных единиц от других, приводит к созданию новых, более сложных синтаксических единств — сложноподчиненных предложений. Такие предложения рассматриваются и с точки зрения своей структуры, и с точки зрения соотношения модальных и временных планов составляющих эти предложения предикативных единиц. На основе анализа структуры полипредикативных единиц, при котором большую роль играет установление центра подчинения в господствующей предикативной единице, Л. Л. Иофик разработала систему моделей бипредикативных предложений (т. е. сложноподчиненных предложений с одним придаточным), а на этой основе и систему многочастных предложений, в которой, при учете возможного наличия подчиненных предложений высоких степеней и скращения подчинения с сочинением намечается несколько основных моделей, могущих распространяться — в принципе — неограниченно. Тексты раннего новоанглийского периода, в которых сложноподчиненное предложение достигает значительного развития, дают богатейший материал для разработки такой системы моделей многочастного полипредикативного предложения, но в книге показана также пригодность этой системы для анализа соответствующих структур современного английского языка.

При определении моделей полипредикативного предложения учитываются как разные грамматико-смысловые и сочетательные типы отношения между зависимыми предикативными единицами и (именными и глагольными) центрами подчинения, так и различие между обязательной и факультативной сочетаемостью зависимой предикативной единицы с центрами подчинения (стр. 133—135).

Автор вообще стремится объединить в своей трактовке сложноподчиненного предложения принцип эквивалентности (т. е. соответствия зависимой предикативной единицы какому-либо члену господствующей предикативной единицы) с принципом валентности (т. е. с характерной для нее на основе связи зависимой предикативной единицы с подчиняющим словом) (стр. 139).

В качестве переходных образований рассматриваются так называемые подчинительно-присоединительные придаточные предложения, которые выступают в рецензируемой книге как проявление относительного присоединения (стр. 108—126).

От подлинных сложноподчиненных предложений образования такого типа отделяются отсутствием определенного центра подчинения в господствующей предикативной единице, вследствие чего зависимые предикативные единицы здесь не включаются в законченные грамматические конструкции, и тем самым,

как и сочиненные предикативные единицы, не образуют — с точки зрения автора — подлинного сложного предложения. С другой стороны, создающиеся на основе соотносительной связи образования с вставными (вводными) зависимыми предикативными единицами рассматриваются в рецензируемой книге как сложные предложения, поскольку сочетаются предикативные единицы являются здесь неодинаковыми по своей синтаксической автономности (стр. 199—205).

Вкратце изложенная здесь концепция Л. Л. Иофик подкупает своей цельностью и логической последовательностью, а также тем, что она действительно охватывает весь комплекс явлений, обычно причисляемых к категории сложного предложения или тесно граничащих с ней. Но с другой стороны, именно крайняя логическая последовательность приводит автора к некоторым выводам, которые представляются нам весьма спорными, так как несколько нивелируют сложную и противоречивую реальную картину языковой действительности. Это касается в первую очередь положения о том, что на основе сочинительной и относительно-присоединительной связи не может возникнуть подлинного сложного предложения. Изложенная нами выше аргументация Л. Л. Иофик в этом вопросе очень сильна. Но даже приводимые ею самой материалы свидетельствуют о том, что в некоторых случаях только последнее из ряда сочиненных предикативных единиц обладает нисходящим ударением, благодаря чему весь ряд организуется как определенное грамматическое единство. Далее, само употребление сочинительных союзов в связи предложений выходит за рамки контекстуальных средств связи как таковых, поскольку союзы по своей грамматической природе служат именно для связывания синтаксических единиц, их объединения в более крупные единства. Ведь и при образовании сложноподчиненных предложений роль союзов исключительно велика, хотя в рецензируемой книге как раз этот вопрос почти не затрагивается — очевидно, в связи с тем, что автор здесь не выдвигает своей особой точки зрения, как и в вопросе о классификации подчиненных предложений (стр. 139). Наконец, сама возможность постановки разных пунктуационных знаков между сочиненными предикативными единицами и наличие разных пунктуационных вариантов в этих образованиях у одних и тех же писателей, часто в одних и тех же произведениях свидетельствует о том, что возможны разные степени интонационно-грамматического объединения ряда сочиненных предложений. Выбор того или иного варианта обусловлен в каждом конкретном случае теми или иными стилисти-

ческими, тематическими, эмоциональными или еще какими-нибудь другими причинами. Но само наличие неких крайних вариантов (грамматического единства — грамматической разобщенности), между которыми делается выбор, представляется здесь бесспорным. Поэтому нам казалось бы более правильным все же признать существование в английском языке сложносочиненного предложения, которое, однако, легко может распасться на ряд самостоятельных, грамматически ограниченных друг от друга предложений. Или, подходя к этому явлению с другой стороны, ряд предложений, обладающих потенциальными данными для объединения в сложносочиненное предложение, может быть организован как таковое, хотя может быть организован и как ряд отдельных, самостоятельных предложений. Во всяком случае, мы имеем здесь дело с грамматической категорией, построенной как сложная система, с многочисленными переходными явлениями, вообще организованной по принципу поля, а не как четко ограниченное, поддающееся жестким определениям образование.

Спорной кажется также проводимая автором замена терминов «главное» и «подчиненное» предложение термином «предикативная единица». Правда, уже с давних пор указывалось на недопустимость обозначения одним термином как целого (сложное предложение), так и его частей (главное, подчиненное, сочи-

ненное предложение). Но эти части настолько тесно и полно связаны по своему строю (по своей принадлежности к логико-грамматическим типам предложения, по системе распространения своего состава и т. д.) с самостоятельным предложением, что их разлучение — даже терминологическое — представляется неправомерным. С другой стороны, термин «предикативная единица» обладает тем дефектом, что он чрезмерно сближает соответствующие виды предложений с двучастными оборотами, которые также строятся на предикативном отношении между своими частями и которые как раз в английском языке широко представлены. Нам все же представляется, что различение части и целого может быть терминологически выражено с помощью определений к необходимому здесь общему термину «предложение»².

Но в целом книга Л. Л. Иофик принадлежит к числу наиболее содержательных синтаксических работ, опубликованных у нас за последние годы, и будет с интересом прочитана отнюдь не только англичанами, но и всеми, кто работает над проблемами сложного предложения.

В. Г. Адмони.

² См.: В. Г. Адмони, Исторический синтаксис немецкого языка, М., 1963, стр. 19.

Н. М. Штейнберг. Редупликация в современном французском языке. — Л., изд-во ЛГУ, 1969. 70 стр.

Внимание Н. М. Штейнберг привлекла все возрастающая категория редуплицированных слов, которая становится одним из продуктивных способов словообразования в современном французском языке. Собрано 164 примера. Они классифицированы на следующие пять типов: 1) чистая, или абсолютная, слоговая редупликация (*lolo* «молоко»); 2) абсолютная редупликация значимых элементов (*soin-soin* «аккуратно одетый»); 3) чистая, «сложненная» редупликация — второй слог отличается от первого наличием конечного согласного (*bibine* «кабачок, закусовая, плохое пиво»); 4) частичная редупликация — трех- или четырехсложные слова с повторяющимся последним слогом: *rififi* «драка»; 5) частичная редупликация — сложные слова с изменением во втором компоненте: *zig-zag* «зиг-заг» — первоначально название детской игрушки (два плоских кусочка дерева, скрепленные в виде ромба, но подвижно).

Исследуется не только структура редупликативных образований, но и их функционирование в языке как словопонятий, не имеющих других наименований, как морфо-стилистических вариантов слов литературного языка, как ласкательных или экспрессивных слов и т. д. Редупликативные слова употребляются преимущественно как существительные, реже как прилагательные или наречия.

Для исследования привлекаются разные жанры — литературный язык, народно-разговорный язык, фамильярный стиль, аргю. Не исследуется диалектная речь, хотя, как справедливо отмечает автор, в ней изучаемый тип слов имеет очень большое распространение. Ставится вопрос о звукоподражательном характере этих слов и об их мотивированности.

Аналогичная работа появляется впервые в истории французской лексиколо-